р187439

И. Я. Львовъ.

НОВОЕ ВРЕМЯ НОВЫЯ ПѢСНИ.

(О ПОВОРОТѢ ВЪ НАРОДНОЙ ПОЭЗІИ.)

Посвящается народнымъ учителямъ и прочимъ интеллигентамъ деревни.

Цѣна 15 коп.

Г. ВЕЛ.-УСТЮГЪ.
Типографія книжнаго магазина Львова.
1894 г.

ꝑK

ꝑ

147.4.39

И. Я. Львовъ.

От Автора

8:7

НОВОЕ ВРЕМЯ—НОВЫЯ ПѢСНИ.

(О поворотѣ въ народной поэзіи).

Посвящается народнымъ учителямъ и прочимъ интеллигентамъ деревни.

Вологодское Епархіальное Древнехранилище
Инвент. кат. № 955.
Вологодская Областная Универсальная Научная Библиотека

УСТЮГЪ.
Типографія-скоропечатня П. Н. Лагирева.
1891.

Л-89 + В-68 (Вологодская обл. В.-Устюг)

Дозволено цензурою. Іюля 25 дня 1891 г. Москва.

ОТЪ АВТОРА.

Въ лучшей части нашей публики возникло сознаніе интеллигентнаго долга передъ народомъ и желаніе расплаты, выразившееся, напр., въ движеніи въ пользу народнаго образованія при посредствѣ школы и книги, въ возникновеніи по частной иниціативѣ обществъ грамотности, народныхъ чтеній, библіотекъ, изданіи народныхъ книгъ интеллігентными издателями и книготорговцами, изученіи народной литературы, возникновеніи обществъ трезвости и т. д. Все это даетъ возможность предполагать извѣстный контингентъ безкорыстныхъ дѣятелей на народной нивѣ. Вотъ почему я и выставляю на видъ больное мѣсто, новую рану въ народной жизни въ полной увѣренности, что найдутся желающіе омыть, очистить ее отъ гноя и сдѣлать повязку...

Издавая этотъ очеркъ, я не претентовалъ на капитальное изученіе еще не разработаннаго вопроса, а (какъ непосредственно знакомый съ вопросомъ) имѣлъ цѣлью обратить на него вниманіе.

И. Львовъ.

ОТЪ АВТОРА.

Въ нашей странѣ нашей пусть возникло сознаніе интеллигентнаго долга перед народом и желаніе пользовать, выражающееся, напр., въ движеніи въ долгу народного образованія при посредствѣ школы и книги, въ возникновеніи въ частной инициативѣ обществъ трезвости, народныхъ чтеній, библіотекъ, изданія народныхъ книгъ, литературнымъ издательствомъ и книготорговлями, изученія народной литературы, возникновенія обществъ трезвости и т. д. Все это даетъ возможность проводить извѣстныя мѣстныя бесѣдолетныхъ дѣятелей на народной нивѣ. Вотъ почему я и выставляю на вѣсъ боковое мѣсто, но-вую руду въ народной жизни въ полной убѣжденности, что найдутся желающіе сжать, очистить ее отъ пока не сѣдлаю полезу...

Цѣнность этой работы, и не претендуетъ на ка-кимъ-нибудь изслѣдованіе и разработанную вопросъ, а (какъ цѣнность существенно зависящій съ вопросомъ) имѣетъ цѣлью обратить на него вниманіе.

Ѵ. Ѵасонъ.

„Въ народной жизни, какъ въ жизни „общесства,“ переживается, несомнѣнно, время „переходное“.

Глѣбъ Успенскій.

I.

Славянская народность создала самобытную народную поэзію, по своему достоинству не ниже западно-европейскихъ. Особенно замѣчательны пѣсни славянъ музыкальной глубиной своихъ мотивовъ. Не рѣдко величайшіе европейскіе композиторы почерпали сюжеты для своихъ безсмертныхъ твореній въ мотивахъ славянскихъ пѣсенъ, какъ напримѣръ, Бетховенъ. Геніальный Глинка внесеніемъ въ музыку національнаго русскаго элемента обезсмертилъ свое имя. Изъ этого же источника черпали Сѣровъ, Чайковскій, Верстовскій, Даргомыжскій и др. Русская пѣсня вызываетъ изумленіе даже иностранныхъ ученыхъ. Рудольфъ Вестфаль (германскій ученый) говоритъ: „поразительно громадное большинство русскихъ народныхъ пѣсенъ представляетъ намъ такую богатую, неисчерпаемую сокровищницу истинной, нѣжной поэзіи, чисто-поэтическаго міровоззрѣнія, облеченнаго въ высоко-поэтическую форму, что литературная эстетика, принявъ разъ русскую народную пѣснь въ кругъ своихъ сравнительныхъ изслѣдованій, непремѣнно назначитъ ей безусловно первое мѣсто между народными пѣснями всѣхъ народовъ земнаго

шара.“ Въ этомъ заключается, по мнѣнію заграничныхъ ученыхъ, „явное доказательство высокаго поэтическаго дарованія русскаго народа,“ и „философія исторіи имѣетъ полное право вывести изъ этого дарованія самыя свѣтлыя заключенія для будущности русской исторіи.“

А какой русскій не восхищался народной пѣсней? Размашистой русской пѣсней—безпредѣльной, какъ сама матушка Русь! Пѣсней унылой, какъ вой бури, или удалой, какъ шайка разбойниковъ!.. Ударившись въ патріотизмъ, мы могли бы пропѣть:

„Что за пѣсни, что за пѣсни
Распѣваетъ наша Русь!
Ужъ какъ хочешь, братъ, хоть тресни,
Такъ не спѣть тебѣ, французъ!...

Но къ сожалѣнію это уже не относится къ настоящему. Новая Русь уже не поетъ этой чудной пѣсни, отличающейся такой силой и художественною образностью выраженія. Стихъ этихъ пѣсенъ, какъ извѣстно, основанъ на логическомъ удареніи и не риѳмованъ. Риѳма въ немъ случайна.

Въ недалекомъ, быть можетъ, будущемъ эти пѣсни сдѣлаются достояніемъ только академическихъ коллекцій и никто болѣе не услышитъ ихъ изъ устъ народа, такъ какъ теперь ихъ вытѣсняютъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ уже почти вытѣснили пѣсни новѣйшаго происхожденія. „Извѣстно, что, подъ вліяніемъ фабрики, мѣщанства или лакейства, трактира и мелкой, уличной прессы,“ — говоритъ А. Пругавинъ („Запросы народа“),—„русская народная лирика быст-

ро утрачиваетъ свои наиболѣе характерныя, наиболѣе привлекательныя черты; вновь возникающія въ народѣ пѣсни сильно уступаютъ прежнимъ, какъ относительно мелодіи, такъ и по своему содержанію“ [1]). Но по достоинству стиха онѣ стоятъ выше прежнихъ, такъ какъ принимаютъ литературную форму съ грамматическимъ удареніемъ и риѳмой.

Народъ нашъ, какъ извѣстно, любитъ риѳму даже и въ обыкновенной рѣчи. Острота съ риѳмой почитается идеаломъ остроумія. Риѳмованная пошлость или „ругань“ цѣнится выше. Пульхерья Андревна обидится на свою знакомую за то, что та язвительныя словца придумываетъ „все съ риѳмой“ (Старый другъ лучше новыхъ двухъ“ Островскаго). Кто говоритъ „складно подъ рихму“, тотъ, по мнѣнію народа, „дока“. Примѣромъ также могутъ служить пословицы, поговорки, загадки, остроты балаганныхъ паяцевъ, раешниковъ и литературная рѣчь нѣкоторыхъ сектъ раскола.

Но въ пѣсняхъ *старой деревни* риѳма явленіе случайное. Напримѣръ, „Пешуми, мати зеленая дубравушка“ и многія другія пѣсни не имѣютъ ни одной риѳмы. Но это еще не значитъ, что народъ избѣгалъ риѳмы. Нѣтъ. Онъ только не гонялся за нею въ ущербъ смыслу и выразительности. Риѳма употреблялась (и даже считалась почти обязательною) только въ извѣст-

---

[1]) Наша статья по этому вопросу, напечатанная въ видѣ отрывка въ журн. „Русскій учитель,“ (1891 г. № 6—7) писана въ деревнѣ, гдѣ мы не имѣли возможности слѣдить за текущей литературой. Пересматривая статью для настоящаго изданія, мы натолкнулись на цитируемыя здѣсь строки А. Пругавина и не большой очеркъ Г. Успенскаго „Народные стишки,“ изъ котораго и приведенъ эпиграфъ, но Г. Ив. въ этомъ короткомъ очеркѣ къ сожалѣнію только констатируетъ фактъ перерожденія русской пѣсни, не вдумываясь въ его деморализирующее значеніе.

ныхъ родахъ народной лирики, напримѣръ, въ свадебныхъ пѣсняхъ нѣкоторыхъ мѣстностей.

„Слезяная да жалостлива,
Да до меня была милослива“...

Ознакомленію народа съ литературнымъ стихомъ очень много способствовала школа. Грамотеи старой школы читать стиховъ не умѣютъ. Въ каждой дѣтской хрестоматіи и книжкѣ для первоначальнаго чтенія новой школы много звучныхъ, легкихъ стиховъ. Стихи эти читаются и заучиваются дѣтьми, такъ что внѣшняя форма литературнаго стиха, чрезвычайно гармоничная и благозвучная, volens nolens усвоивается еще въ дѣтствѣ. Гладкій, звучный стихъ твердитъ иногда, необращая вниманія на смыслъ, не только дитя, но и взрослый, услаждаясь музыкальнымъ сочетаніемъ звуковъ. Содержаніе стиха, хотя и забывается, но ихъ музыка навсегда оставляетъ свой слѣдъ. Это не могло не имѣть вліянія на развитіе формъ народнаго стиха. Усвоивъ благозвучную стихотворную форму, народъ, такъ сказать, облюбовалъ ее. Разъ усвоена новая внѣшность стиха, то ужъ, само-собой, возникающія вновь пѣсни будутъ слагаться по ней. Но риѳма и удареніе стѣсняютъ неопытнаго стихоплета. „Поэтъ стихотворецъ, сказалъ Пушкинъ, это чудакъ, который хочетъ прытко бѣгать въ кандалахъ.“ Но ради этой погремушки, ради этого благозвучія стихоплетъ жертвуетъ смысломъ, художественностью изображенія... Вотъ примѣры подобной погони за риѳмой:

Голубое да зеленое
Погуляемъ-ка, моленое...

Четырехъ подружекъ замужъ отдавалъ.
На фатерушку пріѣхалъ енералъ.
Мой-отъ милинькой израненъ изтерзанъ.
Онъ садился на резинковый диванъ...

Я поѣду, полечу
Ко Василью Ильичу
Во деревню во Грачевку
Ко милашкѣ на ночевку...

По деревнѣ шла пѣшкомъ.
Подпоясалась тугонько ремешкомъ..

Голосочекъ пѣсенки.
Крылечко о три лѣсенки

Вылѣзъ Миша на вершину,
Видѣлъ Питера машину...

Сходи Миша въ лавочку,
Купи помады баночку.
Безъ помады хороша,
Коли денегъ не гроша.

Подстригутъ кудри-виски—
Заревемся мы съ тоски...

Шибко на сердцѣ тошнится:
Ко мнѣ милый не сулится.

Продамъ карты, продамъ тузъ,
Куплю милому картузъ...

Милашка, сѣренькой глазокъ,
Помни лѣтненькой часокъ...
Всѣ часы—минуточки...
Не спала двои суточки.

Милашка воду носила,
Взяла платочекъ бросила...

II.

Наплывъ новыхъ потребностей *новой деревни* поколебалъ и творческую мысль народа,— вызвалъ новыя выраженія новыхъ началъ жизни и въ народной пѣсни. Но перерожденіе ея совершилось не вдругъ, безъ скачка, какъ и всякое историческое явленіе. Помнится, въ одной мѣстности [1]) лѣтъ 15 тому назадъ первая пѣсня переходнаго типа занесена была „питерцами“ и имѣла большой успѣхъ. Мы позволимъ себѣ привести ее здѣсь цѣликомъ:

Сидѣлъ Ваня, Ваня на деванѣ
Стаканъ рому наливалъ.
Не наливши Ваня по стакану,
Самъ за Катенькой послалъ.
Ужъ ты Катенька, радость—Катюша,
Объясни свою любовь...
Я теперь, мальчишко, воленъ—
Въ Питенбургъ поѣхалъ жить.
Въ Питенбурхѣ тяжко надоѣло:
Много денегъ прогулялъ.
Прогулялъ, мальчишко, тысячъ двадцать;
Оставалось рублей сто.
Я на эти, на оставши деньги,
Найму тройку лошадей.
Найму троечку ямскихъ лошадокъ
Темнокарихъ—вороныхъ.
Какъ по Питеру, мальчикъ, на тройкѣ,
А по запитеру пѣшкомъ...

[1]) По Сѣв. Двинѣ около границы Вологодской и Архангельской губ.

Сулился, мальчикъ, обѣщался
На страду въ деревню быть.
Мы не будемъ съ Катей сѣнокосить,—
Будемъ по лужкамъ гулять
Да разны пѣсни распѣвать.

Мотивъ этой пѣсни носитъ прежній характеръ. Форма стиха имѣетъ лишь нѣкоторыя претензіи на новый типъ, напр. въ риѳмахъ: „Ваня,“ „на диванѣ,“ „наливалъ,“ „послалъ,“ „гулять,“ „распѣвать.“ Содержаніе-же говоритъ само за себя. Она разсказываетъ и о своемъ происхожденіи и о вліяніи города. Тутъ и „деванъ,“ и стаканъ рому, и Катенька, объясняющая любовь, и прогулянныя деньги, и возвращеніе изъ Питера, и результатъ питерскаго вліянія;—какъ-де можно *облагороженному* Питеромъ заниматься такой черной работой, какъ сѣнокосъ? ему только приличествуетъ „по лужкамъ съ Катей гулять да разны пѣсни распѣвать“. Ему нѣтъ дѣла до „страды“ его односельчанъ... Слова: „по Питеру на тройкѣ, а по за Питеру пѣшкомъ“ вклеены ввидѣ насмѣшки уже деревенскимъ людомъ, понимающимъ смѣшное положеніе героя. Не смотря на такое отношеніе деревни къ городу, выразившееся въ пословицѣ: „Питеръ бока повытеръ,“ [1]) онъ не перестаетъ привлекать слегка *тронутое культурой* населеніе деревни, хотя появляются примѣры уже окрѣпнувшихъ болѣе или менѣе въ отрицательномъ взглядѣ на соблазны города, но къ несчастію одна ласточка не дѣлаетъ весны.

---

[1]) Характерна также народная шутка, осмѣивающая питерщиковъ: „куда ѣдешъ?—Въ Питенбургъ!!—Откуда идешъ? (вопросъ относится уже къ возвращающемуся).—Изъ Пи-и-тера [смиреный отвѣтъ]... Подай Христа ради“...

Затѣмъ въ упомянутой мѣстности появилась пѣсня, вынесенная тоже изъ города:

Какъ на крышѣ воробей
Самъ сидѣлъ чирикалъ,
Изъ окошка, изъ дверей
Портной дѣвку кликалъ.
Выйди дѣвушка, выйди, свѣтъ,
Со мной разгуляться.
У тя маменьки дома нѣтъ—
Не кого бояться...

Пошленькое продолженіе этой пѣсни забылось. Припоминаются лишь слова: „проходя Кузнецкій мостъ,“ свидѣтельствующія о мѣстѣ ея происхожденія. Пѣсня эта не имѣла такого успѣха какъ предыдущая, такъ какъ по содержанію мало имѣетъ общаго съ деревней, но она по формѣ и напѣву представляетъ переходную ступень между предыдущей пѣсней и, появившейся уже позднѣе, „частушкой“ (куплетомъ), какъ называетъ новыя пѣсни и Г. И. Успенскій. Ихъ еще величаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ „трясогузками,“ „вертушками„ и „прищелчками.“ Приведенныя названія вполнѣ характерны. Они произошли отъ мотива пѣсенъ, частящаго, прищалкиваемаго (скороговоркой), по которому можно плясать, вертѣться или, какъ въ деревнѣ иронически называютъ, „трясти гузномъ“.

Потомъ въ описываемую мѣстность проникли „частушки“, уже окончательно приблизившіяся къ современному типу, но распѣвались только на „игрищахъ“ при, такъ называемыхъ, походенькахъ. Игра эта слишкомъ не сложна: дѣвица выбираетъ парня, подаетъ ему руку и подъ пѣніе „трясогузокъ“ ходятъ

вмѣстѣ по комнатѣ. Съ теченіемъ времени „походеньки“ эти осложнились и теперь смахиваютъ уже на нѣкоторыя фигуры кадрили. Вообще „походеньки“ соотвѣтствуютъ танцамъ, т. е. замѣняютъ ихъ въ данной мѣстности, настолько еще патріархальной, что плясать молодежъ еще не отваживается, хотя въ сосѣднихъ селахъ верстъ за 25—30 (выше по р. Двинѣ) уже пляшутъ подъ „трясогузку“ и гармонику.

Первыя „частушки“ еще носили по нѣкоторымъ признакамъ отчасти прежнюю окраску. Вотъ первая изъ появившихся въ данной мѣстности:

Ходи яшка,[1]) ходи я,
Ходи, милая моя!
Ходитъ куна по бору
Щиплетъ травку лебеду,
Лебедушку бѣлую.
Ты скажи кого люблю,
За того за мужъ пойду,
Да поцѣлую обойму...

Тарабарщина! но пѣлась молодежъю съ большимъ воодушевленіемъ. За то пожилое поколѣніе возставало не менѣе энергично. Было даже на „игрищахъ“ нѣсколько скандальныхъ выходокъ, устраиваемыхъ пожилыми противъ нововведенія. Была даже сложена скабрезная пѣсня, пародирующая „Яшку“, какъ прозвали эту первую частушку. Но появились новыя, а за ними еще и еще. Борьба стала не мыслима. „Трясогузка“ одолѣла.

---

[1]) Мы не вправѣ писать это слово съ большой буквы, придавая ему значеніе собственнаго имени [Яковъ—Яшка], ибо оно понималось въ какомъ-то нарицательномъ смыслѣ.

Послѣ „Яшки“, помнится, появилась „Тина“:

Тина, тина, тиночка,
Ты хорошъ дѣтиночка.
Верба, верба, вербочка—
Зеленая вѣточка.
Окулина—дѣвушка,
А Иванъ—женишекъ
Завалился за мѣшокъ,
За овсяную крупу
Къ Окулинѣ на руку...
Да поцѣлую обойму.

Потомъ пѣли эту:

Пошла въ тонецъ тонцевать.
Тонцевала пріустала,
Пріуставши, спать ложилась
Ко милому на колѣни.
Милъ во скрипочку играетъ,
Меня младу потѣшаетъ...

Эту пѣсню знакомый пишущему эти строки парень въ насмѣшку перефразировалъ такъ:

Пошла въ голбецъ подсѣвать. [1])
Подсѣвала пріустала;
Пріуставши, привалилась
Ко милому на солому и т. д.

Перифразъ этотъ (въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи довольно пикантный—до непечатнаго) имѣлъ успѣхъ среди молодежи не менѣе своего оригинала. Но пѣли его только одни молодые ребята и не публично.

Слѣдующая же трясогузка занесена была съ ближайшей фабрики и имѣла такой конецъ:

---

[1]) Буквальное значеніе—за печку просѣвать зерна.

...Хороши наши ребята
Полюбовнички.
Не хочу носить косынки—
Заграничнаго платка,
Мнѣ не надо голубой:
Поцѣлуемся съ тобой.

Приведенный отрывокъ уже настроенъ въ общемъ тонѣ современной „трясогузки“.

Нельзя не отмѣтить здѣсь бросающуюся въ глаза особенность „трясогузокъ“ „походеньки“. Каждая изъ нихъ оканчивается „цѣловкомъ“, т. е. поцѣлуемъ, которымъ дѣвица награждаетъ избраннаго парня въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ пѣсенки. Въ иныхъ мѣстностяхъ „цѣловки“ эти въ большомъ ходу и погоня за ними такъ велика, что кстати и не кстати къ концу всякой трясогузки походенекъ, хотя и бѣлыми нитками, но пришивается „цѣловокъ“, а иногда и болѣе (одинъ или нѣсколько въ срединѣ при продолженіи пѣсни):

Вѣникъ да голикъ
Цѣловаться велитъ...

Кто сидитъ да молчитъ—
Ни чего не высидитъ,
А кто встанетъ да пойдетъ—
Поцѣлуетъ, обойметъ.

...Взялъ итару, началъ пѣсенки играть...
Разприкрасный голосочикъ у него;
Поцѣлую я дружечка своего.

...Полушалкомъ оповязаная,—
Цѣловать дѣвка приказаная.

...Спасибо сестрица
На бѣлой простынѣ.
Цѣловать велѣли.

Я сижу да радуюсь—
Придетъ милой пожалуюсь.
Есть у милаго платочекъ.
Поцѣлую разъ пяточекъ.

...Во солдаты подстригутъ.
Да поцѣлуютъ обоймутъ.

Завоевывая права гражданства, „трясогузка“ опошлялась болѣе и болѣе. Въ то-же время старыя пѣсни уступали свое мѣсто постепенно. Ихъ изрѣдка можно слышать еще и теперь изъ устъ пожилаго. Изучая наступательное движеніе „трясогузки“, невольно сравниваешь его съ завоеваніемъ австралійскаго материка сорными травами европейскаго происхожденія... Отъ походенекъ частушка перешла въ жизнь. Типъ ея теперь уже опредѣлился. Большинство „частушекъ“ носитъ слѣды мужскаго и женскаго сочиненія. Вотъ отрывки изъ мужскихъ частушекъ:

Я милашечку потѣшу,
Бусы на воротъ повѣшу,—
Въ косу ленту привяжу...
Отойду да погляжу.

Шелъ дорожкой стороной,
Нашелъ платочекъ носовой.
Развернулъ каемочку—
Платокъ моей миленочки...
Наше поле каменисто,
Нельзя полюшкомъ идти.
Наши дѣвушки форсисты,
Нельзя близко подойти.

Шелъ я рѣчкой—бережкомъ,
Темнымъ перелѣсочкомъ.
Взялъ я въ рученьки тальянку,[1])
Въ зубы папиросочку...

Женскія частушки:

Свѣтитъ мѣсяцъ, какъ цѣлковый,
Часты звѣзды—четвертакъ.
Мой-отъ милой безтолковый
Съ посидѣнку ушелъ такъ...

Съ некрутами я гуляла,
Сарафанчикъ замарала.
Не хочу его носить,
Пойду къ старостѣ просить.
—„Господинъ ты, староста,
Разсуди пожалоста.“
—„Полно, дѣвка, не проси,
Лучше вымой да носи...

Мой-отъ миленькой бѣду-сбѣдовалъ,
У приказчика жену сторговалъ.
Жену-то зовутъ Аннушкой,
Полюбовницу—Натальюшкой.
У Наташки два колечка изломалъ,
У Анюхи два платочка изорвалъ...

Продамъ карты, продамъ тузъ,
Куплю милому картузъ.
Чашки, ложки продала,
Ему сапожки завела...
Продамъ мѣдные тазы,—
Куплю милому часы.
Продамъ лисій воротникъ,
Куплю чаю золотникъ...[2])

---

[1]) Итальянская гармоника.
[2]) Погоня за риѳмой.

187439

Въ большинствѣ случаевъ одна „трясогузка“ сплетается изъ нѣсколькихъ неимѣющихъ связи и часто безсмысленныхъ отрывковъ:

Подъ Насоновскимъ угоромъ
Стоитъ Миша подъ угоромъ.
Мѣрялъ, мѣрялъ мѣрочку,
Оставлялъ онъ мѣточку.
Вылѣзъ Миша на вершину,
Видѣлъ Питера машину.
На мамашиной могилѣ
Крестъ серебряный лежитъ.
Ѣхалъ Миша изъ Москвы
На своемъ на воронкѣ;
Со дороженьки свалился,
Во бесѣду привалился.
Перстень по полу катился.
Сходи Миша въ лавочку... и т. д.

По этому нѣкот. „частушки“ принимаютъ смѣшанный характеръ—мужской и женской:

...Возьму сотню,
Пойду въ Тотьму,
Дружка выкуплю назадъ
Да не кому не указать...
Возмемъ двѣсти,
Пойдемъ вмѣстѣ.
Мы до Вологды дойдемъ,
Да мы ни гдѣ не пропадемъ,—
Мы читать, писать умѣемъ:
Въ писаришки попадемъ...

Нерѣдко также „частушка“ заимствуетъ различныя фразы изъ старыхъ пѣсенъ. Пишущему эти строки пришлось однажды отъ знакомаго деревенска-

го старичка слышать слѣдующее: „Нонѣшнія пѣсни складываютъ на живую нитку. Возьмутъ слова два-три изъ старой, да къ нимъ и напридумываютъ разныхъ прищелчекъ. Вотъ и пѣсня“... А потомъ тотъ прибавитъ, другой измѣнитъ—и пошла гулять по Руси матушкѣ. Отдѣльныя фразы одной частушки переносятся въ другую и т. д. Въ нѣсколькихъ примѣрахъ Г. И. Успенскаго, записанныхъ въ Новгородской губерніи, встрѣчаются фразы общія съ Вологодскими „частушками“. Напр. у Г. Успенскаго записано такъ:

Было лѣсомъ идти боязно,
Деревнями идти совѣстно,
А по задворкамъ—собаки злы,
По за полью—тамъ ребята удалы...

Въ Вологодской губерніи (въ извѣстн. мѣст.) сказывается такъ:

Темнымъ лѣсомъ идти боязно,
Деревнями очень совѣстно.
Перелѣсочкомъ пойду не побоюсь,
Деревнюшечкой пойду не постыжусь...

И при томъ совсѣмъ въ другой частушкѣ.

Такою легкостью „сочиненія“ и объясняется чрезмѣрная плодовитость „трясогузки“. Теперь она буквально наводнила деревню и фигурируетъ главнымъ образомъ въ области „сердечной“ около „милашекъ“ и „миленковъ“, выражаетъ вкусы и взгляды лакействующаго, фабрично-городскаго люда (настоящаго производителя ихъ), но слегка коснулась и различныхъ сторонъ деревенской жизни. Въ подобныхъ пѣсенкахъ, сре-

ди кучи безсмысленнаго сора, нагроможденнаго въ погонѣ за риѳмой, можно отыскать отраженіе современныхъ взглядовъ народа на окружающее. По этимъ пѣснямъ можно составить довольно ясное представленіе о современномъ міровоззрѣніи, нравственности, стремленіяхъ, вкусахъ, симпатіяхъ и антипатіяхъ „тронутаго купономъ“ народа. Матеріалъ подобнаго рода, собранный въ большемъ количествѣ, дастъ очень много интереснаго для изученія народа. Но, расширяя область своихъ темъ и развиваясь количественно, „частушка“ очень медленно двигается въ отношеніи развитія своего напѣва.

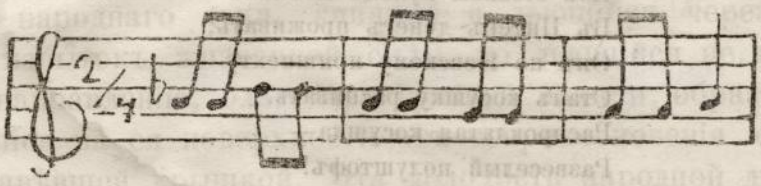
Дитя хочетъ нарисовать и папу, и маму, и знакомыхъ, но у него получаются лишь однообразныя фигуры, состоящія изъ кружечковъ съ точками, изображающихъ голову съ частями лица, треугольниковъ, представляющихъ туловища, и ломаныя линіи вмѣсто рукъ и ногъ. Но при большемъ навыкѣ и упражненіи фигуры эти будутъ разнообразнѣе и разнообразнѣе. Точно такъ же и у неопытнаго въ стихоплетствѣ народа нельзя требовать разнообразія въ формахъ стиха новыхъ пѣсенъ. Почти всѣ онѣ имѣютъ такую схему: ! ‿ ! ‿ ! ‿ ! ‿ ! ‿ ! ‿ , т. е. $5^1/_2$ стопный хорей:

Моя мила невысока на ногахъ
Накопила много сала на бокахъ...

Мотивы также чрезвычайно однообразны, монотонно-пошлы; они надоѣдаютъ до нервнаго раздраженія своимъ безконечнымъ повтореніемъ одной и той же несложной мелодіи, подобно повторяющейся съ однообразіемъ періодической дроби „руготнѣ“ кури-

цы, согнанной съ гнѣзда. Почти всѣ частушки поются чуть-чуть не речитативомъ на такой мотивъ:

Allegro.



Другими мотивами и формами частушка еще почти не владѣетъ; но нѣтъ сомнѣнія, что и народъ набьетъ руку въ этомъ отношеніи.

ВОЛОГОДСКОЕ ЕПАРХІАЛЬНОЕ ДРЕВНЕХРАНИЛИЩЕ

III.

Перерожденіе народной пѣсни вызвано, какъ мы уже сказали, знакомствомъ народа съ городомъ и литературнымъ стихомъ, но изъ этого знакомства усвоена только внѣшняя форма. Городское и фабрично-мастеровое населеніе болѣе соприкасается съ культурнымъ слоемъ, и потому болѣе подвержено напору внѣшней цивилизаціи, и ранѣе усвоиваетъ ее. Оно же и болѣе грамотное сословіе народа—и иниціатива въ созданіи новыхъ мотивовъ народной лирики должна принадлежать ему. Такимъ образомъ (заключая a priori) пѣсни *новаго періода*—неминуемо должны быть фабрично-лакейскаго происхожденія. Таковы онѣ и есть на самомъ дѣлѣ. Весь пошибъ „трясогузки“ мѣщанскій, не говоря уже о

совершенно чуждомъ деревенскому быту содержаніи, напримѣръ:

Изъ Москвы купецъ поѣхалъ
Въ Питеръ денегъ проживать;
Онъ по Невскому пришпехту
Сталъ косушку распивать.
Распроклятая косушка—
Развеселый полуштофъ!
Разприкрасная столица
Славный городъ Питенбургъ!...
Есть угодно прокатиться,
Изволь, Сашенька, садиться...

Съ разприкраснымъ своимъ взоромъ
На колѣни посадилъ.
На колѣняхъ подержалъ,
Да очень крѣпко ручку жалъ.
Я руки не отнимала—
Появился въ лицѣ жаръ...
Пойду въ сѣни посижу,
Лице бѣло остужу...[1])

Я сидѣла на лужку
Писала тайности дружку.
Я писала тайности
Про любовны крайности...

Взглянувъ на эти примѣры и припомнивъ приведенную въ предъидущей главѣ исторію проникновенія „трясогузки“ въ деревню, едвали можно усумниться въ лакейско-фабричномъ происхожденіи ея.

Это не случайныя явленія, а чисто историческія, логически вытекающія изъ условій народнаго быта.

---

[1]) Конецъ этой частушки съ нѣкоторымъ перифразомъ есть и у Г. И. Успенскаго.

Всѣ эти измѣненія въ народной лирикѣ не даютъ повода къ слишкомъ мрачнымъ историческимъ выводамъ. Напротивъ въ этомъ явленіи чувствуется молодость народнаго духа, кипящій и льющійся черезъ край избытокъ жизненной силы, но льющійся не по тому направленію, благодаря грязной накипи, образовавшейся на ея поверхности отъ соприкосновенія съ изоржавѣвшей крышкой. Эта молодость народной души—явный признакъ способности народа къ движенію по пути прогресса.

Всякое оригинальное, новое явленіе есть благодѣяніе для рода человѣческаго, говоритъ Бокль, т. к. оригинальныя, новыя явленія и есть элементы, изъ которыхъ слагается прогрессъ,—тогда какъ регрессъ и китайское закоснѣніе обусловливаются отсутствіемъ оригинальныхъ явленій. Но, de facto, явленіе внѣшняго, такъ сказать, политурнаго прогресса нерѣдко деморализируетъ человѣка, если не придать ему (явленію) надлежащаго направленія. Такъ и здѣсь—переворотъ въ нашей народной поэзіи, какъ и всякая новинка—явленіе прогрессивное, но принявшее нежелательное направленіе, ведущее къ упадку народной нравственности; такъ какъ иниціаторами новаго „творчества“ въ силу соціальныхъ условій является сословіе народа, развращенное городомъ.

Прогрессирующая же сторона заключается, главнымъ образомъ, въ усвоеніи болѣе совершенной, болѣе благозвучной формы стиха. Въ этомъ послѣднемъ нельзя не видѣть вліянія школы.

Такимъ образомъ различаются двѣ стороны явленія. Первая заключается въ усвоеніи лучшей внѣшно-

ности, а вторая въ упадкѣ внутренняго содержанія,— въ силу общаго историческаго закона: цивилизація первымъ своимъ прикосновеніемъ преображаетъ внѣшность въ ущербъ внутреннему міру.

Народъ не окрѣпъ еще на новой почвѣ, не выработалъ взглядовъ на свою собственную жизнь подъ вліяніемъ новыхъ вѣяній, и по этимъ взглядамъ не успѣлъ составить новаго міросозерцанія. Въ народной жизни теперь полнѣйшее междуцарствіе. Старые устои общинной, бытовой нравственности разрушены до основанія. Столбы этой постройки „на песцѣ"—„власть земли" и традиція раздвинуты современнымъ самсономъ—культурой, а новый царь народнаго духа—нравственность сознательная, основанная на разумномъ міросозерцаніи, выработываемая школой и книгой, еще числится лишь претендентомъ на престолъ. И дай Богъ, что-бъ недолго пришлось ждать. „Наука страшно нужна народу." [1]) Онъ ждетъ новыхъ подвиговъ борцовъ на нивѣ народнаго просвѣщенія... Взбаламученная народная жизнь не успѣла еще отстояться, сдѣлаться ясною, прозрачною и акристаллизовать серьезныхъ поэтическихъ произведеній. Она дала только грязный осадокъ „частушки", взвѣшенной, такъ сказать, механически, но нерастворенной, неассимилированной деревенской жизнью.

Истекая изъ зараженнаго городомъ источника, пѣсни новаго типа имѣютъ самые пошлые, ничтожные объэкты воспѣваній. Вотъ, напримѣръ, женская частушка рисуетъ идеалъ „милаго":

Мой-отъ миленькій хорошъ-таки-хорошъ:

---

[1]) Слова Достоевскаго.

Онъ не ходитъ безъ резинковыхъ калошъ.
У него калоши модненькія,
Страсть баскія-переводненькія...

Мой-отъ миленькой милешенекъ,
Изъ кабачка идетъ пьянешенекъ.
Ручки, ножки помороженыя...

Мнѣ сказали про милаго—
Милой водочки не пьетъ,—
Посмотрю я на милаго—
Милъ, какъ стелечка, бредетъ.
Мнѣ сказали про милаго—
Милъ не куритъ табаку;
Посмотрю я на милаго—
Папиросочка во рту...

Мой-отъ миленькой порехиваетъ,
Да на тальяночку нагрохиваетъ...
О мостокъ тальянка грохнула,—
Гдѣ сидѣла тутъ и охнула...

Ужъ ты, Ванька—Ваничка,
Насъ съ тобой не парочка:
У тебя пиньжакъ одѣтъ,
А у меня пальтушки нѣтъ.

Когда миленочка сдавали,
Кровь кипитъ, какъ въ самоварѣ...
Какъ сказали—милой гожъ,
Безъ морозу взяла дрожь...

Кабы тятенька непьяница,
Такъ было-бы не то:
Сошила платьице съ оборочкой
И въ талію пальто.

Гуляла дѣвушка немало—

На часокъ ума не стало...
Погуляла-бы еще,
Да нагуляла хорошо...

Я незнала чей—откуда—
Съѣла пряниковъ полпуда.
Проводила за ручей,
Тогда узнала мальчикъ чей.

А вотъ и въ мужскихъ частушкахъ:

Ты, сударушка, не плачъ:
Люди скажутъ, что богачъ—
Есть часы и чуечка,
На лошадкѣ сбруечка.

Вотъ идетъ моя возлюбленая;
Топоромъ она разрубленая,
Топорищемъ развороченая,
Во три палочки колоченая...

За работу батько билъ,
За гульбу гармонь купилъ.
Ты гармошка—матушка
Лучше матки, батюшка...

Прощай батюшко родной,—
Не работничекъ я твой,
Я изъ трактира половой...

Примѣры, приводимые здѣсь, представляютъ еще болѣе скромное, возможное въ предѣлахъ печатнаго слова и неоскорбляющее нравственаго чувства читателя. Особенно пошлы трясогузки мужскія. Онѣ воспѣваютъ трактиры съ продажными женщинами, самихъ этихъ женщинъ во всей ихъ отвратительной наготѣ и тому подобныя мерзости...

...Какъ восьмая дѣвка рыжа,

Привезена изъ Парижа...

Все это непосредственно незнакомо большинству деревенской молодежи и она знакомится съ этимъ развратомъ черезъ частушку.

„Несуразныя“ пѣсенки водились и раньше за нашимъ мужичкомъ, возразитъ читатель. Не отрицаемъ: водились, какъ рѣдкость, но общимъ достояніемъ народа не были. Это были пѣсни совершенно другаго рода. На нихъ народъ смотрѣлъ какъ на „паскудство“. Пѣлись онѣ только отъявленными пьяными въ пылу разгула. Современныя же пѣсни этого пошиба, проникшія изъ города, фабрики и казармы, получили чрезвычайное распространеніе. Ихъ поютъ всюду. Только мѣстности удаленныя, болѣе или менѣе изолированныя отъ фабрично-мѣщанскаго вліянія, сохранили еще во всей неприкосновенности свои патріархальныя пѣсни, полныя поэтической прелести и музыкальной глубины мотивовъ.

Современныя безалаберныя пѣсни потому и „заразны“, что онѣ вошли въ общее употребленіе и что, воспѣвая чуждый деревнѣ развратъ, большинствомъ, по непониманію, онѣ не считаются за неприличныя, за негодныя.

Дѣвицы въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще настолько патріархально стыдливы, что краснѣютъ, когда придется съ парнемъ сказать слово, но въ то-же время распѣваютъ на публичныхъ играхъ наипошлѣйшую пѣсню „про любовны крайности“ и т. п. Онѣ бѣдняжки и не подозрѣваютъ сколько тутъ гадкой грязи, незамѣтно пачкающей ихъ чистыя души.

Все то, что считается въ общественномъ мнѣніи непозволительнымъ на дѣлѣ, но, повторяясь сотни тысячъ разъ въ пѣсняхъ (хотя вначалѣ и безсознательно), войдетъ, наконецъ, въ сознаніе и обратится въ нѣчто обыкновенное, обыденное, и тогда никто уже не скажетъ, что это нехорошо, что это безнравственно.

Воспѣваемая пошлость изъ пѣсни переходитъ въ жизнь. Деревенскій парень изъ частушки узнаетъ о заманчивомъ существованіи какой-то „рыжей—привезеной изъ Парижа“, о резинковыхъ колошахъ, часахъ, благодаря которымъ „миленькой“ поющей дѣвушки сталъ „хорошъ-таки-хорошъ“, о привольной жизни „половаго“, *идеалъ* пьянаго, „какъ стелечки“ и т. п. Все это рисуется въ привлекательномъ видѣ и пробуждаетъ желаніе подражать воспѣваемымъ образцамъ. Постоянное повтореніе пѣсенокъ, частое напоминаніе поддерживаетъ въ немъ это стремленіе,—и вотъ, вырвавшись наконецъ изъ подъ родительскаго крова, онъ поетъ:

Прощай батюшко родной:
Не работничекъ я твой... и т. д.

Да и дѣвушка, которая воспѣваетъ „любовныя крайности“... развѣ будетъ смотрѣть такъ строго на свою невинность? Мало-ли еще какихъ прелестей почерпаетъ деревня изъ этого неизсякаемаго источника пошлости и разврата. Неясно-ли, что все это вызываетъ необходимость борьбы со зломъ. Возможность-же противодѣйствія аргументируется и тѣмъ, что пошлая „трясогузка“ возникаетъ не въ самой средѣ „сѣятеля и хранителя русской земли“, а принимается го-

товою безъ сознанія ея непотребности. Хотя и деревня уже пытается подражать новымъ образцамъ:

Жаравы, вы, жаравы, [1])
Долгоноги, жаравы!
Долгоноги, толстобоки
Не нашли пути дороги.
Вы ходили стороной,
Боронили бороной.
Борона желѣзная
Цѣловать любезная.

Голубое да зеленое
Погуляемъ-ка, моленое...

Невсегда, впрочемъ, подражанія такъ безсмысленны. Вотъ, напр., какъ характеризуетъ новая пошленькая частушка деревенское самоуправленіе:

Писарь пишетъ за вино,
Сельскій староста г . . . .

Нерѣдко даже частушка деревенскаго „сочиненія" сатирически относится къ *идеаламъ* лакейской частушки:

Какъ у нашего у Пети
Есть тальянка и часы.
Есть тальянка, есть часы,
Да нечѣмъ сѣять полосы.
Люди сѣютъ яровину,
Мы засѣяли овсомъ,
Заборонили колесомъ...
Ты рости, рости, овесъ,
Гранистый, умолотистый.

---

[1]) Журавли.

Ты ходи, ходи, милашка,
Форсистый, оборотистый...

Но это лишь попытки. Трудно пока встрѣтить цѣлую частушку деревенскаго происхожденія,— встрѣчаются лишь вставки среди *фабричныхъ произведеній*.

Дѣло-же интеллигентнаго воздѣйствія сводится только къ разъясненію народу дурной стороны новыхъ пѣсенъ. Если народъ будетъ смотрѣть на нихъ съ худой стороны, то цѣль уже наполовину достигнута, и остается только дать въ замѣнъ лучшее.

IV.

При ближайшемъ наблюденіи вопроса способы интеллигентнаго воздѣйствія опредѣляются сами собою.

1) Разъясненіе народу *непотребности* „трясогузки“.

2) Распространеніе образцовыхъ пѣсенъ въ народѣ устной передачей—непосредственно и при посредствѣ школы.

3) Также нельзя не признать полезнымъ изданіе возможно дешевыхъ и лучшихъ сборниковъ пѣсенъ для народа и ихъ распространеніе.

Гдѣ эта поэзія пошлости не въѣлась еще въ плоть и кровь, тамъ можно съ успѣхомъ дѣйствовать насмѣшкой; стоитъ только во всей постыдной наготѣ показать безобразіе пошлыхъ пѣсенъ. Такъ напр., мнѣ лично извѣстенъ случай, когда на „игрищѣ“ при парняхъ разъяснили и показали дѣвицамъ всю гадость пѣтыхъ ими частушекъ и онѣ уже стыдились болѣе повторять ихъ и просили *научить „какой нибудь хорошей пѣсенки“*.

„Научить“? А кому же научить народъ какъ не народному учителю или сельскому интеллигенту? Учить— ихъ прямая обязанность, да и стоятъ они близко къ народу.

Каждый, конечно, знаетъ нѣсколько подходящихъ пѣсенокъ. (Можно указать на сборники Весселя и др.). Хорошо прививаются въ народѣ пѣсни изъ Некрасова,[1]) Кольцова, Никитина и др. поэтовъ. Эти пѣсни пока послужили бы для народа замѣной грязной мѣщанско-лакейской стряпнѣ и внесли бы высокій образецъ для самостоятельнаго развитія народной лирики въ этой болѣе совершенной формѣ стиха, не убивая народнаго творчества.

Хотя наплывъ новыхъ потребностей и условій народной жизни вызвалъ и новые вкусы и новые мотивы для выраженія, но нѣкоторыя изъ „старинныхъ“ народныхъ пѣсенъ, неизвѣстныхъ въ данной мѣстности, также легко могутъ прививаться, напр: „Внизъ по волгѣ рѣкѣ“, „На широкую долину“ и т. п., а также и переводныя малороссійскія.

---

[1]) Напр. „Хорошо было дѣтинушкѣ“ [изъ „Коробейниковъ“] имѣетъ уже большой успѣхъ въ нѣк. мѣст.

Учителю возможна дѣятельность въ школѣ и внѣ ея. Для агитаціи внѣ школы онъ можетъ завербовать сильныхъ помощниковъ изъ молодежи, выучивъ ихъ нѣкоторымъ избраннымъ пѣснямъ или устроивъ нѣчто вродѣ вечеровъ съ пѣніемъ. Это нетрудная исторія. Стоитъ провѣдать, гдѣ собралась вечеркомъ деревенская молодежь и, придя туда, спѣть хорошенькую пѣсенку—двѣ, и если онѣ понравились, васъ будутъ просить выучить этимъ пѣсенкамъ, или, покр. мѣрѣ, съ удовольствіемъ согласятся на ваше предложеніе выучиться, если по незнакомству не попросятъ васъ объ этомъ сами. Помогая заучивать пѣсню, немѣшаетъ объяснить ея смыслъ, непонятныя выраженія и съ моральной стороны сравнить ее съ частушкой. Послѣ такого вечера молодежь всегда охотно сходится на другой день въ большемъ количествѣ, чтобы попѣть тѣхъ пѣсенъ и выучиться новымъ. И вотъ завязываются деревенскіе „вокальные вечера“ и пѣсня за пѣсней перейдутъ въ деревню взамѣнъ деморализирующей „трясогузки“.

Больше всего нравятся и скорѣе перенимаются пѣсни, пропѣтыя хоромъ. Устройство хоровъ для народа и даже изъ народа было бы очень желательно (особенно при народныхъ чтеніяхъ). Во-первыхъ они ведутъ къ цѣли интересующаго насъ вопроса, облагороживающе вліяя на массу; во-вторыхъ—отвлекаютъ отъ кабака, давая простолюдину благородное удовольствіе, душевный отдыхъ.

Деревенскій людъ съ большимъ удовольствіемъ стекался въ свободное время даже на уроки пѣнія, устраиваемые нами въ земской школѣ и съ живѣй-

шимъ участіемъ слушалъ духовное и свѣтское пѣніе. Причемъ даже старухи выражали свое удовольствіе: „дитятки, вы! сколь-да они баско поютъ“... Между тѣмъ безпристрастно нельзя сказать, чтобы пѣніе было вполнѣ образцовое, но дѣтей и даже взрослое населеніе деревни вполнѣ удовлетворяло.

Пѣсни, пропѣтыя въ классѣ, записывались учениками по собственному желанію и переходили изъ школы въ село.

Вообще пѣсни въ народѣ прививаются очень легко. Достаточно одного-двухъ выучить какой-либо пѣснѣ и ужъ вскорѣ все село будетъ пѣть ее, если, конечно, она придется по вкусу. Изъ одного сѣла пѣсни быстро переносятся въ другое, особенно если село лежитъ въ центрѣ населенія мѣстности. Съ какимъ интересомъ выспрашиваютъ о новыхъ пѣсняхъ людей, побывавшихъ „на чужой сторонѣ“. Даже подобные вопросы неоднажды приходилось встрѣчать въ письмахъ. Солдатъ-новобранецъ, который еще живетъ воспоминаніями о родной деревнѣ, пишетъ: „какія новыя пѣсни теперь у насъ поютъ“? Эта легкость распространенія въ народѣ пѣсенъ подмѣчена уже и литературой. Эртель въ романѣ „Гарденины“ говоритъ: „Съ несравненно большею податливостью (чѣмъ другія новинки) приняли въ Гарденинѣ пѣсни принесенныя Гараськой (изъ города): недалѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ его возвращенія, „на улицѣ“ вмѣсто обычныхъ гарденинскихъ пѣсенъ, можно было услыхать, какъ дѣвки съ живѣйшимъ удовольствіемъ орали: „жилъ я, мальчикъ, во Одести, много денегъ нако-

пилъ, съ Катюшею молодою въ одну ночку прокутилъ“ и т. д.

Восхищаясь народной пѣсней прежняго типа: „Разлихія, удалыя—не нѣмецкія, пѣсни русскія, живыя, молодецкія!“—интеллигенція наша и не думала о ихъ застрахованіи отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ вліяній и противодѣйствіи нашествію развратной „трясогузки“ и т. п. Хотя начали уже поговаривать и объ упадкѣ народной лирики, но отъ слова къ дѣлу въ этомъ отношеніи еще не переходили. Все таки теперь лучшая часть интеллигенціи, какъ мы упоминали въ предисловіи, сознаетъ своею обязанностію платить за свое воспитаніе народу и не на словахъ только. Можно быть увѣреннымъ, что достаточно и этого слабаго призыва, чтобы вызвать къ дѣятельности въ этомъ направленіи искреннихъ служителей во имя народнаго блага. Мы также увѣрены, что отзовутся на это громкіе голоса нашей литературы и поддержатъ своимъ авторитетнымъ словомъ.

Правда, теперь уже обращено вниманіе на пѣніе въ народныхъ школахъ и особенно на церковное. Нельзя не порадоваться! Но нужно, чтобы церковное пѣніе не вытѣсняло мірскихъ пѣсенъ. Однимъ церковнымъ пѣніемъ нельзя удовлетворить народъ. Еще нежелательнѣе и грубѣе будетъ переходъ, когда послѣ духовныхъ пѣснопѣній селянинъ затянетъ омерзительнѣйшую пѣсню.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, необходимо, чтобы и свѣтскія пѣсни соотвѣтствовали своему назначенію. А въ нашихъ школахъ по преимуществу только и рас-

пѣвается истрепанная пѣсенка—„птичка и дѣти“. Дѣти поймали птичку. Птичка миндальнымъ язычкомъ упрашиваетъ дѣтей отпустить ее на волю. Дѣти не соглашаются и обѣщаютъ ей въ замѣнъ свободы золотую клѣтку, конфекты, чай съ сухарями и прочіе нектары и амврозіи, которые крестьянскимъ дѣтямъ и самимъ-то во снѣ не снятся. Наконецъ птичка успѣваетъ убѣдить дѣтей, что ей свобода дороже золотой клѣтки, что мухи и зернышки несравненно вкуснѣй диссерта и получаетъ свободу. Поучительно! Но навязывать такія пѣсенки крестьянскимъ дѣтямъ все одно, что волку „сѣнца“... Вообще подобныя пѣсенки пригодны только для школъ городскихъ. Отчего бы не научить крестьянскихъ дѣтей такимъ пѣснямъ, которыя могутъ сродниться съ ними въ ихъ быту и внести свѣжій, оживляющій, высокохудожественный элементъ въ народную поэзію? Развѣ это такъ трудно? А какъ дѣти рады такой пѣсенкѣ! Они нарочно соберутся послѣ уроковъ, чтобы спѣть ее (фактъ). Случалось слыхать даже заученныя въ школѣ стихотворенія, распѣваемыя уже взрослыми на своеобразный, самодѣльный напѣвъ (напр. стих. Пушкина „Кто онъ“?).

Разъ намъ пришлось удивиться, услышавъ какъ черезъ день-два послѣ урока пѣнія, взрослыя дѣвушки пѣли пѣсню, заученную на урокѣ учениками. Оказалось, что онѣ научились пѣть ее у ученицъ, которымъ пѣсенка очень понравилась. Такимъ образомъ ученики являются лучшимъ средствомъ для пропаганды предлагаемыхъ учителемъ пѣсенъ. Ученики разнесутъ о нихъ „хорошую славу,“ подготовятъ почву и вызовутъ желаніе молодежи научиться этимъ пѣснямъ.

Если учитель на урокахъ пѣнія въ школѣ, выяснивъ ученикамъ значеніе пѣсни вообще и „трясогузки“ въ частности и сравнивая ихъ, покажетъ всю неприглядность послѣдней, то онъ убиваетъ разомъ двухъ зайцевъ. Во-первыхъ подготовляетъ будущее поколѣніе. Во-вторыхъ это отразится и на взрослой деревнѣ. Мальчикъ или дѣвочка (ученики) не утерпятъ заявить свой протестъ противъ разбитой въ ихъ глазахъ пошлой „трясогузки,“ и ихъ протестъ невсегда остается безъ вниманія,—пишущему эти строки это фактически извѣстно. Глупо было-бы при настоящемъ положеніи народной пѣсни распѣвать въ школѣ риѳмованую прозу, состряпанную по нѣмецкому образцу, вродѣ пресловутой вирши:

„Течетъ рѣчка,
Черезъ рѣчку мостъ.
Идетъ овечка,
У овечки хвостъ...

Какъ не пожалѣть, что наша народная школа не только по отношенію къ пѣнію, но и во всемъ остальномъ слишкомъ мало еще имѣетъ чисто-народнаго.

Изданіе хорошихъ и дешевыхъ сборниковъ для народа также желательно, хотя отъ этого и нельзя ожидать такихъ результатовъ, какіе возможны при устной передачѣ, но сборники могли бы служить прекраснымъ пособіемъ и помогли бы дѣлу немало. Услышалъ парень пѣсенку, понравилась, запомнилъ мотивъ (а-то и самъ придумаетъ),—онъ и можетъ отыскать ее въ „пѣсенникѣ“.

A propos вліяніе на народъ книги, развивая народное сознаніе и пониманіе, чрезвычайно благотворно и

въ данномъ случаѣ. Книга подниметъ умственный уровень народа, дастъ ему средство критически отнестись къ перенимаемымъ пѣснямъ, а въ самостоятельное поэтическое творчество его внесетъ глубину художественнаго замысла.

Нельзя не согласиться со Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, что литература (и отчасти наука) стояла на ложномъ пути въ томъ отношеніи, что служила исключительно *денежному*, ничтожному по численности классу, а масса народа оставалась въ пренебреженіи. Масса должна была удовлетворяться въ этомъ отношеніи спекулятивными, бездарными и болѣе чѣмъ безполезными изданьицами quasi—народныхъ книжекъ Манухина, Леухина и т. п. Народъ, оставленный на волю судебъ корифеями литературы и науки, питался до сихъ поръ гнилью и мертвечиной спекуляторовъ, твореніями „молодцовъ изъ подъ Проломныхъ воротъ". Только послѣдніе года народныя изданія интеллигентныхъ издателей подрываютъ лубочную литературу. Желаніе поэта, чтобы „мужикъ не Блюхера и Милорда глупова" несъ съ базара, начинаетъ исполняться. Приходитъ „желанное времячко".

Тоже самое и въ данномъ случаѣ: имѣй народъ что либо лучшее, „сладкое не захотѣлъ бы горькаго." Какъ предпочелъ онъ книги интеллигентныхъ издателей лубочнымъ, такъ предпочтетъ и хорошую пѣсню лакейской стряпнѣ.

Въ послѣднее время существуетъ оживленное движеніе въ пользу распространенія въ народѣ просвѣщенія посредствомъ книги. Эта святая миссія нашла сво-

ихъ выразителей, изъ которыхъ особенно выдаются А. С. Пругавинъ, А. М. Калмыкова, Н. Рубакинъ, Е. Некрасова и др. Дѣятельность обществъ, посвятившихъ себя этому вопросу, увѣнчивается блестящими успѣхами. Благодаря этому движенію, лучшая часть интеллигенціи сознаетъ благотворное вліяніе на народъ литературы и поэзіи. Пѣсня для народа—самая общедоступная и общераспространенная форма поэзіи, болѣе присущая народу. Слѣдовательно черезъ нее-то и возможно наибольшее вліяніе на народъ при посредствѣ поэзіи. Кромѣ того пѣсня соединена съ музыкой (напѣвомъ), облагороживающее вліяніе которой общеизвѣстно и при томъ пѣсни не требуютъ извѣстнаго благосостоянія, досуга и грамотности—какъ печатное слово. Ими можно пользоваться даже за работой, гдѣ пѣсня служитъ еще облегченіемъ труда. Со стороны интеллигенціи также не требуется ни какихъ *матеріальныхъ* затратъ. Всякій, кто имѣетъ сопротивленіе съ народомъ и желаетъ быть полезнымъ, безъ особеннаго труда можетъ сдѣлать много добраго, даже если только выучитъ пѣть нѣсколько хорошихъ пѣсенъ прислугу, а ужъ эта послѣдняя перенесетъ ихъ въ деревню. Вѣдь этимъ же путемъ занесена и пошлая пѣсня изъ города.

И такъ—къ дѣлу, честные люди! Пусть каждый принесетъ и въ этомъ отношеніи посильную крупицу на уплату интеллигентнаго долга народу.

„Жита по зернышку—
Горы наношены“...

Пусть не ляжетъ на совѣсти черное пятно укора, что интеллигенція допустила народную поэзію отравить міазмами пошлаго, невѣжественнаго творчества...

Предоставить излѣчивать эту рану времени, значитъ забыть, что „пока солнце взойдетъ—роса глаза выѣстъ“.

86

Книжный памятник
Рег. № 39989
ВОУНБ

86

Inches 1 2 3 4 5 6 7 8

Centimetres 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19

KODAK Color Control Patches © The Tiffen Company, 2000

Kodak LICENSED PRODUCT

Blue	Cyan	Green	Yellow	Red	Magenta	White	3/Color	Black

Книжный памятник
Рег. № 39989
ВОУНБ